

Гарантированное уничтожение или низкоинтенсивное сдерживание: Могут ли Россия и США МОДЕРНИЗИРОВАТЬ СВОИ ЯДЕРНЫЕ СТРАТЕГИИ?

ПОНАРС Евразии
Аналитическая записка No. 258
Август 2013 года

Михаил Троицкий
*Московский государственный институт международных отношений (МГИМО-
Университет)*

Спустя два с половиной года после начала выполнения Россией и США договора СНВ-2010 обе стороны сталкиваются с международным давлением, побуждающим их определить позиции относительно будущих переговоров о контроле над ядерными вооружениями. Направление движения США и России в этой области имеет принципиальное значение не только для их двусторонних отношений, но и для ядерного будущего всего Земного шара. Обладая более чем 90 процентами мировых ядерных арсеналов, Москва и Вашингтон являются «законодателями мод» в глобальной дискуссии о будущем ядерного оружия. Согласие безъядерных стран не обзаводиться ядерным оружием (зафиксированное в Договоре о нераспространении ядерного оружия) официально обусловлено продвижением государств, обладающих ядерным оружием, на пути к разоружению.

Перспективы дальнейшего разоружения останутся неблагоприятными до тех пор, пока США и Россия не продемонстрируют готовность критически переосмыслить свои ядерные стратегии и привести их в соответствие измененной международной обстановке и общественному восприятию проблемы ядерных вооружений. В частности, для достижения ключевых официально задекларированных целей России в отношениях с США (сдерживание возможного вмешательства во внутренние дела РФ или использования силы против российских союзников), России не требуется защита от первого ядерного удара со стороны США. Аналогичным образом, Соединенным Штатам в нынешних условиях не нужно страховаться от первого российского ядерного удара. Усвоив эту новую реальность, Москва и Вашингтон

могли бы продолжить сокращения своих ядерных арсеналов и совместно оказать давление на другие ядерные государства, до сих пор отказывавшиеся от участия в контроле над ядерными вооружениями.

Роль ядерного оружия в политике безопасности России и США

Москва и Вашингтон придерживаются одинакового подхода в тех случаях, когда речь идет о сокращении риска случайного ядерного удара или захвата ядерных материалов террористами. Однако за пределами этой повестки российские и американские приоритеты и стратегии контроля над вооружениями существенно различаются. Соединенные Штаты рассматривают (хотя и со множеством оговорок) возможность сокращения роли ядерных вооружений в своей политике национальной безопасности. Влиятельные представители американского политического истеблишмента вплоть до президента Барака Обамы и министра обороны Чака Хейгела заявляют о том, что даже в рамках Договора СНВ-2010 ядерный арсенал США является гораздо большим, чем это необходимо для обеспечения национальной безопасности.

Россия в совместной с США декларации, принятой в апреле 2009 г., обязалась последовательно стремиться к ядерному разоружению, а в апреле 2010-го подписала с США новый договор СНВ. Однако затем энтузиазм Москвы по поводу дальнейших договоренностей о контроле над вооружениями пошел на убыль. Влиятельные представители российского политикоформирующего сообщества утверждают, что Вашингтон добивается новых соглашений по контролю над ядерными вооружениями не столько из соображений глобальной ядерной безопасности, сколько потому, что США стремятся извлечь выгоду из своего преимущества в высокоточных обычных вооружениях и системах противоракетной обороны, которые во время эскалации конфликта можно задействовать гораздо более гибко, чем ядерное оружие.

Москва заявляет о своей уязвимости перед давлением со стороны США как в политическом, так и в технологическом плане. Россия воспринимает противоракетную оборону, возможную милитаризацию космоса и высокоточные обычные вооружения в качестве факторов, осложняющих процесс дальнейшего сокращения ядерных вооружений. По мнению Москвы, следующий раунд переговоров по сокращению стратегических ядерных арсеналов целесообразно проводить уже многостороннем формате – с участием более широкого круга стран, чем США и Россия. Еще одно обстоятельство, затрудняющее, с точки зрения Москвы, прогресс в сфере контроля над вооружениями, заключается в интервенционистской политике США и их союзников, ставящих под вопрос легитимность «недемократических режимов». Полагая, что подобные «арабской весне» смены режимов невозможны без вмешательства США, влиятельные российские политики опасаются повторения подобного сценария в России при отсутствии у Москвы надежного средства сдерживания.

Беспокойство России основано на убеждении, что обладание ядерным оружием обеспечивает реализацию более широкого круга интересов, чем просто

выживание страны в случае прямой военной агрессии. Москва убеждена, что США можно удерживать от посягательства на российские интересы лишь в ситуации взаимно гарантированного уничтожения, при которой противник неизбежно получит ядерное возмездие даже в ответ на первый массированный ядерный удар. Взаимно гарантированное уничтожение основывается на допущении о том, что на определенной стадии эскалации конфликта использование ядерного оружия становится оправданным. Взаимно гарантированное уничтожение требует от государства обеспечить, чтобы после первого удара со стороны противника, у этого государства сохранилось достаточно ядерных вооружений для нанесения ответного удара.

Границы возможностей ядерных вооружений

В современном мире ставка на поддержание способности нанести ответный ядерный удар представляется дорогостоящей, нецелесообразной и рискованной.

При отсутствии угрозы выживанию государство вряд ли будет всерьез рассматривать возможность нанести первый ядерный удар по противнику даже в условиях острого конфликта. Как было доказано учеными еще во времена холодной войны, ядерный удар, нанесенный одной ядерной сверхдержавой по другой, не может обеспечить победу в конфликте из-за огромного и непоправимого глобального экологического ущерба (не говоря об экономическом и социальном уроне). Любой обмен ядерными ударами между США и Россией будет означать конец современного мира в том виде, в котором мы (и, конечно, лица, принимающие решение о нанесении ядерного удара) его знаем. Даже ограниченная по масштабам ядерная война между менее крупными ядерными державами нанесет этим державам и окружающим их регионам невосполнимый и потенциально смертельный экономический и социальный ущерб.

Это означает, что ни одна из сторон, участвовавших в ядерной войне, не сможет воспользоваться выгодами от победы. Другими словами, ни одно ядерное государство не может исходить из предположения о том, что после «успешного» ядерного удара мир (так же как и положение в нем данного государства) останется прежним, если не считать поражения противника. Это означает, что угроза применения ядерного оружия со стороны США или России по отношению друг к другу не будет убедительной даже в том случае, если эскалация конфликта между двумя ядерными сверхдержавами дойдет до прямого столкновения.

С 1991 года ядерное оружие не позволило России предотвратить ни одну из интервенций, запланированных и осуществленных Соединенными Штатами и их союзниками против таких стран, как Сербия или Ирак. Несмотря на возражения Москвы, миссия по принуждению к миру в Ливии, предпринятая по мандату ООН, превратилась в операцию по смене ливийского режима. Как выяснилось, ядерные вооружения не помогают даже убедить оппонента воздержаться от непрямых враждебных действий или ограниченного по масштабам опосредованного нападения на ядерное государство (операция Грузии в августе 2008 года против Южной Осетии, за «спиной» которой стояла Россия) в том случае,

когда это нападение не угрожает выживанию этого государства. В то же время поддержание в состоянии повышенной боеготовности значительных ядерных сил, от которых зависит гарантированное взаимное уничтожение России и США, чревато риском случайного запуска ракет в результате технического сбоя, либо безрассудного поведения неадекватных политиков.

В случае российско-американских отношений даже прямая экзистенциальная угроза одной из держав со стороны другой скорее всего не приведет к использованию ядерного оружия. Такой проверке российско-американские отношения не подвергались уже, как минимум, три десятилетия. Тем не менее, учитывая приведенные выше рассуждения о невозможном глобальном ущербе от ядерной конфронтации между двумя ядерными сверхдержавами, можно с уверенностью предположить, что пусковые кнопки в Москве и Вашингтоне не будут нажаты даже в экстремальном случае.

Ядерное сдерживание на поздней стадии конфликта может быть надежным лишь тогда, когда ядерная сверхдержава или «малая» ядерная страна¹ вступает в противостояние с «малым» ядерным государством или с безъядерным государством, достаточно сильным, чтобы создать угрозу выживанию противника. В таких случаях можно гипотетически предположить, что первый ядерный удар останется без ответа, обеспечив тем самым деэскалацию конфликта и сохранив обороняющемуся ядерному государству шанс на выживание. Подобный сценарий выглядит вероятным, только когда на карту поставлено само выживание обороняющегося государства. В отсутствие экзистенциальной угрозы в ходе военного конфликта ядерное сдерживание вряд ли работает в отношении кого бы то ни было.

Ядерное сдерживание может быть эффективным на ранних стадиях развития конфликта – до начала вооруженной конфронтации. В таких условиях опасений, связанных с наличием у соперника ядерного оружия, может оказаться достаточно для отказа от действий, которые могут рассматриваться соперником как угрожающие. Сдерживание низкой интенсивности основано не на страхе перед неминуемым ядерным ударом (который, как слишком многим известно, маловероятен или бесполезен), а на влиянии, которое на правительство агрессивного государства оказывают общественное мнение и перспектива массовой гибели людей и огромных разрушений. Если в сдерживаемом государстве принято считаться с общественным мнением, то его правительство пойдет навстречу требованиям общества проявлять умеренность в отношениях со сдерживающим ядерным государством. Даже в тех государствах, правительства которых не склонны оперативно реагировать на запросы общества, лица, принимающие решения, будут серьезно озабочены перспективой огромных жертв и разрушений в результате ядерного удара. Кроме того, подобные режимы обычно опасаются необходимости отступить на более поздней стадии эскалации –

¹ Под «малым» ядерным государством здесь понимается любое государство, обладающее ядерным оружием, за исключением США и России.

признание собственной слабости негативно сказывается на их положении внутри страны (военные хунты зачастую теряли власть вслед за поражениями в международных конфликтах). Четко и аргументированно обозначив «красные линии» в доктрине национальной безопасности или другом официальном документе, ядерное государство может убедительно продемонстрировать свою готовность к ограниченному использованию ядерного оружия в качестве средства деэскалации жизненно важных для безопасности этого государства конфликтов.

Подобное низкоинтенсивное ядерное сдерживание может быть оптимальной стратегией для России. Более экономичное и реалистичное в техническом плане, чем жесткие требования выживаемости ядерного арсенала для ответного удара, низкоинтенсивное ядерное сдерживание позволяет нейтрализовать наиболее вероятные экзистенциальные угрозы безопасности России – от масштабных наземных наступательных операций с использованием обычных вооружений до спецопераций по смене режима. Гарантированная способность дать ядерный ответ на ядерную агрессию является чрезмерным, а следовательно излишним инструментом сдерживания США (как и любой другой страны или альянса) от посягательства на жизненные интересы России. Более того, как упоминалось выше, любые враждебные действия, которые нельзя предотвратить на низком уровне эскалации конфликта, будет невозможно сдержать и на более высоком уровне эскалации. Дипломатия, а не взаимное гарантированное уничтожение является лучшей гарантией того, что ядерные сверхдержавы будут воздерживаться от создания взаимных экзистенциальных угроз².

Таким образом, вместо поддержания огромного ядерного арсенала в состоянии повышенной боевой готовности для ответа на гипотетический разоружающий удар со стороны США, Москва могла бы рассмотреть возможность изменить свою ядерную стратегию в направлении низкоинтенсивного, но достаточного сдерживания. Это потребует более фундаментального пересмотра российской стратегии, чем уменьшение готовности к запуску российских ракет с ядерными боеголовками или их ненацеливание на противника – мер, которые были уже опробованы Москвой и Вашингтоном и не привели к отказу от принципа взаимного гарантированного уничтожения.

Концептуальное изменение ядерной стратегии могло бы принести России ряд ощутимых преимуществ. Во-первых, если Москва будет уверена в том, что деэскалация ее возможного конфликта с США (как и с любой другой страной или альянсом) может быть достигнута посредством низкоинтенсивного сдерживания до того, как ядерные силы обеих стран будут приведены в повышенную боевую готовность, Россия могла бы освободиться от беспокойства по поводу

² Необходимость расширенного ядерного сдерживания также не является источником беспокойства для России. Согласно российской Военной доктрине 2010 года, Москва не обещает «ядерного зонтика» своим союзникам в случае, если они подвергнутся нападению с использованием обычных вооружений.

американской противоракетной обороны (никакая мыслимая система противоракетной обороны не способна сдержать *первый* ядерный удар со стороны России, она может гипотетически нейтрализовать лишь потенциал *ответного* удара – те немногие ракеты, которые могли бы уцелеть после массированного ядерного нападения со стороны США). Это сэкономило бы России значительные материальные, интеллектуальные и дипломатические ресурсы.

Во-вторых, если США вслед за Россией пошли бы на адаптацию своей ядерной стратегии и структуры сил сдерживания к изменившимся реалиям, обе стороны могли бы приблизиться к новому соглашению о дальнейших серьезных сокращениях ядерных вооружений, поскольку необходимость содержания огромных арсеналов более не будет оправдываться требованием поддерживать достаточное количество сил для ответного удара. Помимо главного преимущества, состоящего в существенной экономии бюджетных средств, этот шаг мог бы значительно повысить международный престиж обеих стран как последовательных сторонников контроля над вооружениями и нераспространения и позволить им успешнее справляться с существующими проблемами распространения ядерного оружия.

Наконец, избавившись от сильной зависимости от ядерного оружия в своей политике безопасности, Россия могла бы использовать свой репутационный ресурс для более эффективного продвижения зоны, свободной от ядерного оружия на Ближнем Востоке, если Москва считает этот проект значимой внешнеполитической целью.

Условия изменения стратегий

В свете вышеизложенного России стоило бы рассмотреть целесообразность следующих шагов, направленных на отказ от взаимного гарантированного уничтожения как основы отношений с США в ядерной области.

Во-первых, Москва могла бы заявить, что твердо уверена в невозможности выиграть войну при помощи ядерного оружия. Россия также могла бы выразить убежденность в том, что ядерное оружие никогда не будет использовано против нее (или иного государства) другой крупной ядерной державой (в первую очередь Соединенными Штатами) из-за той огромной ответственности, которая ложится на государство, наносящее ядерный удар. Если ядерное оружие все же будет использовано против России, то она сделает все от нее зависящее, чтобы нанести ответный удар, однако ядерное нападение на Россию (или любое другое государство) в любом случае ознаменует конец мира в том виде, как мы его знаем, и приведет полному пересмотру режима международной безопасности.

Во-вторых, вместо того чтобы настаивать на примерном ядерном паритете – основе принципа взаимно гарантированного уничтожения – Россия могла бы занять более этически выверенную позицию, подразумевающую отказ от необходимости совершить возмездие после массированного ядерного удара со стороны США. Учитывая невозможность выживания после такого удара, планировать подобный сценарий было бы бессмысленно.

В-третьих, Москва могла бы четко заявить, что предложенные выше декларации не означают готовность России поддаться ядерному шантажу – Москва использует ядерное оружие для наказания за агрессию любого государства, которое могло бы замыслить подобное. России также стоило бы особо подчеркнуть роль ядерного оружия в сдерживании неядерного нападения или иных действий, представляющих очевидную угрозу выживанию страны (например, попытки нейтрализации российского потенциала сдерживания посредством обычных вооружений или диверсии).

Значение взаимности

Наивно полагать, что низкоинтенсивное сдерживание будет эффективным независимо от политики других ядерных государств. Адаптировав свою ядерную стратегию, Россия получит моральное право ожидать ответных шагов со стороны других мировых держав. Реакция Вашингтона, естественно, будет иметь наибольшее значение. Некоторые возможные действия США вполне могут вызвать у России озабоченность и даже побудить Москву отказаться от адаптации своей ядерной стратегии. К числу подобных мер относятся:

- ускорение американских проектов в области противоракетной обороны, сопровождаемых официальными заявлениями о том, что США не исключают никаких вариантов использования противоракетных систем. Наибольший ущерб может быть нанесен не столько техническим прогрессом как таковым, сколько появлением прямых или косвенных признаков, указывающих на то, что российские ядерные силы являются одним из факторов, мотивирующих США к развертыванию противоракетной обороны;
- усовершенствование технологий, используемых для нанесения неядерного стратегического удара, и их успешные испытания – особенно в сочетании с изменениями американских доктрин в направлении более наступательной и рискованной политики и/или обязательств;
- осуществление интервенционистской политики несмотря на возражения России – даже при том, что Россия по большинству параметров вряд ли сравнима с любым из ставших мишенью интервенции государств, таких как Сербия, Афганистан, Ирак или Ливия.

Если Вашингтон решит ответить взаимностью на изменения российской ядерной стратегии, то Соединенные Штаты могли бы предпринять ряд параллельных шагов, к примеру:

- продолжить сокращение своего ядерного арсенала, подтверждая курс на уменьшение его роли в американской политике сдерживания;
- приветствовать возможность совместной с Россией работы по заключению нового всеобъемлющего (если получится – многостороннего) соглашения о контроле над ядерными вооружениями;
- воздерживаться от высказываний, подразумевающих, что американские конкурентные преимущества в передовых военных технологиях могут

- использоваться для наступательных целей в отсутствие прямых угроз американским интересам;
- выразить заинтересованность в обсуждении с Россией стратегий сдерживания других стран и их влияния на стратегии сдерживания США и России.

Заключение

В случае успешной реализации Россией и Соединенными Штатами предложенных мер были бы намечены основы миропорядка, в котором ядерному сдерживанию придавалось бы все меньшее значение. В таком мире существовало бы понимание невозможности сдержать противника на острых стадиях эскалации конфликта исключительно с помощью ядерного оружия. Уже сегодня декларация какого-либо ядерного государства об отказе от использования ядерного оружия первым теряет значение для других государств. Большинство (если не все) подобные декларации неубедительны и/или бессмысленны – очевидно, что угроза выживанию при отсутствии иных средств ее нейтрализации в любом случае подтолкнет государство к нанесению ядерного удара; в тоже время агрессия с опорой на ядерное оружие не может принести победу. Крупным ядерным игрокам осталось только положить это допущение в основу своей политики безопасности.

Осознавая тяжесть последствий даже «ограниченной» региональной ядерной войны, ядерные государства второго ранга, такие как Китай, Индия или Пакистан, могли бы взять на себя обязательство никогда не повышать готовность своих ядерных сил к нанесению удара. Другие менее крупные ядерные государства и потенциальные члены ядерного клуба могли бы прийти к выводу о том, что их безопасность будет гарантирована и в отсутствие готовых к использованию ядерных сил. Дебаты о полном добровольном ядерном разоружении могли бы возобновиться в Великобритании. Франции пришлось бы вернуться к переоценке роли ядерного оружия в повышении национального престижа.

В некотором смысле, новый ядерный миропорядок означал бы триумф дипломатии, на которую легла бы полная ответственность за предотвращение эскалации конфликтов до уровня, когда всерьез начинает рассматриваться возможность взаимного уничтожения. Публичным политикам и дипломатам, не способным на компромиссы, необходимые для избежания угрозы применения ядерного оружия, следовало бы добровольно уйти в отставку.